

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811.111

Анурова О.М.
Московский государственный
областной университет

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИСТОРИИ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА*

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с лингвостилистическими особенностями модернизирующих художественных текстов и особенности их межъязыковой передачи. Отмечается наличие в подобных произведениях двух основных тенденций – использование в них как собственно античных реалий, так и современной автору лексики, и исследуются возможные переводческие стратегии: 1) «модернизирующая эквивалентность» - анахронизму в исходном тексте будет соответствовать анахронизм в переводе; 2) «деанахронизация» - анхронизм ИЯ будет на ПЯ передаваться либо нейтральной единицей, либо собственно античной реалией; 3) анахронизация – при отсутствии анахронизма в оригинале он появляется в переводе.

Ключевые слова: модернизирующий, перевод, художественный, текст, реалия, анахронизм.

O. Anurova

MODERNISATION OF HISTORY: THE PROBLEMS OF TRANSLATION

Abstract. The present paper deals with the main problems, connected with the linguo-stylistic features of the so called modernized literary texts and their translation. Two peculiarities of them are established: the using of words representing the culture of Ancient Rome from one hand and the modern lexical units from the other. This moment defines different possible methods of translation: 1) the so called “modernizing equivalency” (the using of anachronism in both languages); 2) the rendering of anachronism in original text with either neutral or the word, proper to the Roman culture; 3) the using of anachronism in translation when it absent in original text.

Key words: modernized, translation, literary, text, word with cultural meaning, anachronism.

Традиционно под модернизирующим (или модернизированным) художественным текстом принято понимать произведение, где персонажи (как реально существовавшие, так и вымышленные), жившие и действовавшие за много столетий (а порой и тысячелетий) до автора, по сути дела, думают, изъясняются и поступают как его современники. Иначе говоря, прошлое здесь в прямом смысле слова поставлено на службу тому, что называют «злостью дня».

Собственно говоря, такой подход отнюдь не является сам по себе чем-то принципиально новым. Тезис о том, что любой текст, посвящённый прошлому, говорит о времени своего создания в не меньшей мере, чем о той эпохе, которой он посвящён, давно уже стал своего рода общим местом. При этом создатель его может самым тщательным образом воссоздавать картины прошлого, скрупулёзно изучать подлинные акты и документы, не допускать явных анахронизмов (во всяком случае, намеренно), изображать своих героев «в соответствии с исторической правдой» (хотя само понятие последней также зачастую достаточно спорно) – но при всём при том он вряд ли в состоянии действительно «выйти» из той эпохи, в которую ему выпало жить и творить. Пожалуй, один из наиболее наглядных примеров такого рода – роман А.Н. Толстого «Пётр Первый»: «исторический колорит» выписан здесь с максимальной (если порой не чрезмерной) тщательностью. Недаром, говоря о своём герое, сам писатель как-то заметил, что «видел все пятна на его камзоле», – но при этом сквозь него явно просвечивают время и место создания романа:

* © Анурова О.М.

тридцатые годы прошлого столетия в тогдашнем Советском Союзе. Однако вряд ли кому-либо придёт в голову мысль квалифицировать названное произведение как «модернизирующее» в собственном смысле слова.

Совсем другое дело – трилогия Л. Фейхтвангера об иудейской войне. Здесь – при отнюдь не меньшей исторической осведомлённости автора – «осовершенствование» носит уже открытый и явный характер: в древнеримской и иудейской действительности фигурируют «фельдмаршалы», «предвыборные беспорядки» и другие реалии, появившиеся гораздо позже той эпохи, когда Римская империя прекратила своё существование.

Как уже неоднократно отмечалось, именно такое отношение к описанию прошлого весьма характерно для многих творений зарубежных авторов, в том числе, вроде бы, и не относящихся к художественной литературе в собственном смысле слова. «С данной точки зрения, историк «творит историю», создаёт рассказ о прошлых событиях и может строить этот рассказ в жанре трагедии, комедии, сатиры и т.п.» [5, 81].

Но если применительно к истории как науке принцип «каждый историк волен создавать свой образ прошлого» (там же) представляется явно ненаучным, то в художественном творчестве дело, естественно, обстоит совершенно иначе: многие из таких произведений стали заметным явлением в литературе и получили популярность далеко за пределами той культуры, в рамках которой были изначально созданы. А это, естественно, требует пристального внимания к проблемам, связанным с их межъязыковой передачей.

Если говорить об англоязычной (британской и американской) литературе, то к их числу, безусловно, можно отнести такие творения, как роман Торнтон Уайлдера «Мартовские иды», сюжетную основу которого составляют события, связанные с убийством Юлия Цезаря, дилогию «Я, Клавдий» и «Божественный Клавдий» Роберта Грейвза (другая форма передачи фамилии автора – Грейвс), написанную от имени одного из римских императоров, и целый ряд других.

Как правило, их авторы были прекрасными знатоками той эпохи, которую отражали в своих романах, и их «модернизм» не имел ничего общего с тем «наивным антиисторизмом», когда, по словам Корнея Чуковского, «всякому казалось совершенно естественным, что на полотнах нидерландских художников и Христос, и его апостолы, и прочие палестинские жители изображались в нидерландских одеждах, с типично нидерланд-

скими лицами, среди нидерландской утвари, на фоне нидерландских пейзажей», а их итальянские собратья «рядили своих Иисусов Христов, Иосифов Прекрасных и других иудеев в итальянские одежды» [10, 147, 150]. Так, Т. Уайлдер, характеризуя свой роман и отмечая, что «воссоздание подлинной истории не было первостепенной задачей этого сочинения» и что им «была сделана попытка предположить, как протекали события, неравномерно отражённые в дошедших до нас свидетельствах», вместе с тем указывал: «Кое-какие подробности этого рассказа, которые скорее всего могут показаться вымышленными, исторически верны...» [8, 17-18]. В ещё большей степени «историчность» своего повествования акцентировал Р. Грейвз: «В книге нет событий, не подкреплённых историческими источниками того или другого рода, и, надеюсь, все они достаточно правдоподобны. У каждого персонажа есть прототип» [2].

Эту, если можно так выразиться, «вымышленную историчность» отмечали и критики: «Дневники, которые не велись, письма, которые не писались, замечания о встречах, которых не было... – всё это кажется предельно подлинным. Подобная достоверность для автора – задача не попутная, а важная и до некоторой степени самостоятельная» [1, 12].

Подобный «синтез» двух тенденций, которые условно можно было бы охарактеризовать как анахроничность и историчность, должен был обусловить характерную стилистическую особенность такого рода произведений: использование в них как собственно античных реалий (без императоров, консулов, ликторов и т.п. невозможно говорить о римской (и даже квазиримской) цивилизации вообще, так и явно модернизирующей лексики, примеры которой отчасти уже приводились выше. Естественно, что для достижения адекватности переводного текста оригинальному передача названной особенности играет крайне важную роль.

Здесь, однако, необходимо принимать во внимание следующие моменты. С одной стороны, приходится учитывать возможность употребления лексических единиц, нехарактерных для римской цивилизации, но отражающих понятия, ей хорошо известные (условно их можно назвать «относительными анахронизмами»). К их числу, по-видимому, можно отнести широко используемое упомянутыми авторами слово *амнистия* (англ. *amnesty*, от греческого *amnestia* – забвение). Судя по всему, в классической латыни оно отсут-

товало (во всяком случае, его нет в наиболее полном латинско-русском словаре И.Х. Дворецкого), но само явление в римской истории встречалось достаточно часто. Отметим, что в русско-латинском словаре В. Мусселиуса, изданном в конце XIX столетия, приводится целый ряд лексем и словосочетаний, его обозначающих: от *oblivio*, представляющего собой точное соответствие упомянутому греческому слову, до *lex, ne quis ante actarum rerum accusetur neque multetur* [6, 2]. Таким образом, использование его в различного рода «древнеримских» сюжетах само по себе вряд ли можно квалифицировать как смещение пространственно-временной перспективы, во всяком случае – с точки зрения читательского восприятия.

С другой стороны, формально аналогичные лексические единицы в ИЯ и ПЯ (в данном случае, естественно, речь идёт об английском и русском языках) далеко не всегда имеют идентичную стилистическую коннотацию в интересующем нас аспекте в силу того, что, вслед за Ф. де Соссюром, можно квалифицировать не столько как их значение, сколько как значимость. Ср. приводимый в специальной литературе пример: «... Английское *kingdom* передаётся в англо-русских словарях как «королевство» и «царство», однако в русской исторической литературе первое обычно применяется, когда речь идёт о западноевропейских монархиях (отчасти этому могло способствовать то обстоятельство, что само слово «король» в славянских языках этимологически связывают с именем Карла Великого). Лексема же «царь» (и производные от неё), восходящая к римскому *Caesar* («цесарь» от ставшего титулом собственного имени Гая Юлия Цезаря), в этом отношении гораздо обширнее и широко используется по отношению к разным регионам и эпохам («царская власть в Риме», «африканские царьки» и т.п.). Поэтому вряд ли оправданно, когда в... русском переводе англоязычного труда, посвящённого древнеримской цивилизации, встречаем выражение «столица королевства Пергам», хотя совершенно очевидно, что речь идёт о Пергамском царстве» [9, 81].

С учётом сказанного, вероятно, можно констатировать, что, имея дело с интересующими нас текстами, в каждом конкретном случае переводчику приходится выбирать один из следующих путей: 1) «модернизирующая эквивалентность» – анахронизму в исходном тексте будет соответствовать анахронизм в переводе; 2) «деанахронизация» – анахронизм ИЯ будет на ПЯ передаваться либо нейтральной единицей (по принципу пере-

водческой генерализации), либо собственно античной реалией; 3) анахронизация – при отсутствии анахронизма в оригинале он появляется в переводе. При этом следует иметь в виду, что порой рассмотренные стратегии могут совмещаться в пределах относительно небольшого речевого отрывка или даже одного предложения.

Ниже попробуем проиллюстрировать сформулированные положения на нескольких примерах, взятых из книги Р. Грейвза «Я, Клавдий» и принадлежащего Г. Островской русского перевода. Оригинал цитируется по [11], русский текст – по [2].

On the other hand I had not mentioned several things that he would have been interested to hear – how many recruits there were in the parade, how far advanced their military training was, to what garrison town they were being sent, whether they looked glad or sorry to go, what Augustus said to them in his speech.

С другой стороны, я не упомянул о некоторых вещах, о которых ему было бы интересно узнать: сколько рекрутов было на плацу, хорошо ли они обучены, в какой гарнизон их отправили, грустный или у них был вид, что сказал им Август в своей речи.

В процитированном отрывке наше внимание привлекают следующие моменты:

1) Английское *parade*, равно как и соответствующее ему русское *плац*, вероятно, используя введённый выше термин, можно квалифицировать как «относительные анахронизмы»: первое восходит к французскому *parade*, второе – к немецкому *Platz*, т.е. обе лексемы появились значительно позже описываемых в романе событий. Однако в римской армии (и, соответственно, в латинском языке той эпохи) существовал *praetorium* – «главная площадка в римском лагере перед палаткой полководца» (ДВ. 805), что, в общем, может рассматриваться как явление, вполне эквивалентное понятиям, о которых идёт речь в ИЯ и ПЯ.

2) Лексема *garrison* - *гарнизон* (франц. *garrison*) представляет собой, на наш взгляд, приблизительно аналогичный случай – в русско-латинских словарях [6, 59] даётся словосочетание *praesidium stativum*, а в латинско-русском словаре И.Х. Дворецкого в качестве одного из значений первого слова приводится как раз *гарнизон* [4, 802]. Таким образом, ни в английском, ни в русском тексте данная единица не несёт особой «модернизирующей» стилистической нагрузки.

3) Несколько по-иному, по нашему мнению, обстоит дело со словом «рекрут». Оно также

имеет французские корни (франц. *recruter* – «набирать войска»). Однако, если в английском его толкование вполне нейтрально (“a new member of a military force” [12, 1182], то в современных русских словарях подчёркивается его национально-культурная специфика: «В России с 1705 по 1874 г. – солдат-новобранец» [7, 827]. Таким образом, здесь можно говорить об усилении анахронизации (более эквивалентным было бы, вероятно, как раз использование нейтрального «новобранец»).

Рассмотрим теперь следующий пример:

He was Consul at Rome and when he passed the office to a reliable friend he took in exchange the “High Command” – which though a nominally on a level with the consulship, ranked in practice above this or any other magistracy.

Он был консулом, а когда передал консульские полномочия надёжному другу, сделался принципсом, что хотя номинально считалось равным консульству, было на практике выше него, да и любого государственного поста.

Пожалуй, в данном случае, мы можем говорить о применении в относительно небольшом речевом отрывке нескольких упомянутых переводческих стратегий. Собственно античная реалия *consul*, носящая фактически интернациональный характер, воспроизведена и в русском переводе. Описательное выражение *High Command* (дословно «Верховное командование»), явно имеющее модернизированный оттенок, передано собственно античным *принципс*, т.е. осуществлена явная деанахронизация. Лексема *magistracy*, воспроизводящая латинское *magistratus*, напротив, в русском тексте представлена описательным *государственный пост*. Последнее опять-таки может быть объяснено тем, что в английском (как и в других европейских языках) данное слово представляется стилистически менее маркированным, чем в русском.

Представляет интерес и репрезентация в оригинале и переводе приписываемого Августу восклицания после поражения римлян под командованием Квинтилия Вара от германцев: “Quintili Vare, legiones redde!”

Р. Грейвз включил его в текст якобы древнеримской солдатской песни в следующем виде: “Varrus, Varrus, General Varrus, || Give me my regiments back again!”, т.е. использовал две единицы, не относящиеся к собственно римской цивилизации: *general* (по принятой в Риме системе должностных наименований Публий Квинтилий Вар был наместником (*propraetor*) Германии) и *regiments* (латинское *legiones* – основные римские

воинские соединения, насчитывавшие в период, о котором идёт речь, от 4200 до 6000 человек). У Г. Островской процитированный фрагмент выглядит следующим образом: «Вар, Вар, Вар, о Вар Квинтилий, // Возврати мои полки!». Таким образом, сохранив модернизирующую лексему в одном случае, переводчица предпочла устранить её в другом. Подобное решение, думается, также объясняется не вполне одинаковой стилистической окраской указанных слов в русском и английском тексте, что отмечалось и в специальной литературе: «...Наличие в англоязычном тексте, посвящённом античной или средневековой эпохе, такой лексической единицы, как *general*, само по себе не обязательно свидетельствует о «модернизме» последнего, поскольку данное слово достаточно часто используется в значении полководца или военачальника вообще, тогда как в аналогичном по содержанию русском речевом произведении лексема «генерал» будет ощущаться как несомненный анахронизм» [9, 88].

Таким образом, как показывают приведённые примеры, при общем сохранении присущей исходному тексту модернизирующей тенденции, конкретные переводческие решения в каждом отдельном случае могут отличаться достаточно заметным своеобразием, а их изучение представляет большой интерес как для теории, так и для практики межъязыковой передачи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анастасьев Н. Предисловие // Уайлдер Т. Мартовские иды; Теофил Норт. – М.: Художественная литература, 1981. – 543 с.
2. Грейвс Р. Божественный Клавдий и его жена Мессалина // <http://lib.rus.ec/b/20532/read>
3. Грейвз Р.Я. Клавдий. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2010. – 608 с.
4. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с.
5. Никифоров Ю.А. Фальсификация истории Второй мировой войны: к постановке проблемы // Вестник МГИМО-Университета, №6 (9). – М., 2009. – С. 80-88.
6. Муселиус В. Русско-латинский словарь. СПб.: Издание К.Л. Риккерта, 1891. – 424 с.
7. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.
8. Уайлдер Т. Мартовские иды; Теофил Норт. – М.: Художественная литература, 1981. – 543 с.
9. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Межкультурная адаптация художественного текста. – М.: Прометей, 2003. – 172 с.
10. Чуковский К.И. Высокое искусство. – СПб.: «Аквалон», Издательский дом «Азбука-классика, 2008. – 448 с.
11. Graves R. I, Claudius. – Random House, 1989. – 468 p.
12. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Bloomsbury Publishing Plc. – 2002. – 1692 p.